

Ночью прошёл весенний дождь, промыв землю до мягкости и блеска.

Поля напитались влагой, и крестьяне, избавленные от хлопот с поливом, сидели небольшими группами на межах, лениво болтая.

«Эй, слышали, у семьи Пэй новый супруг?» - начал разговор кто-то.

«А как же! - ответил сосед - ты ведь пару дней назад ездил помогать в городок и не видел? У них свадьба была такая пышная, что даже народ из соседних деревень сбежался посмотреть.

«Да, Пэй-муцзянь (плотник Пэй) уж больно своего больного сына жалеет».

В доме Пэев теперь за старшего знаменитый в округе плотник, которого в десяти вёрстах окрест все зовут не иначе, как Пэй-плотник.

А вот женился-то как раз его младший сын.

Говорят, младший сын в семье Пэев — недоношенный.

Когда он родился, роды были тяжёлыми, мать не выжила, а ребёнок с тех пор был слаб и болен.

С детства ему нельзя было делать никакой тяжёлой работы — стоило подуть ветру, как он мог слечь с жаром на три дня.

Но Пэй-плотник никогда не считал это позором.

Все эти годы он кормил сына отварами и лекарствами, буквально вытянул его из болезни, дождавшись, пока тому исполнится семнадцать.

Теперь, когда парень достиг брачного возраста, отец всю хлопотал, подыскивая ему невесту.

«Пэй-плотник, говорят, сам сказал, - продолжал один из мужчин - мол, это называется «отвести смерть радостью», а значит — чем пышнее свадьба, тем сильнее радость, и тем выше шансы спасти парня».

«Отвести смерть?» - фыркнул рослый крестьянин с загорелым лицом, держа во рту сухую травинку. «Да при его то теле хоть сто свадеб справь — толку не будет. Всё это бабьи сказки, пустые приметы». Тон у него был недобрый.

Сосед, усмехнувшись, поддел:

«Э, Лао Лю, не ты ли сватался к ним и получил отказ? До сих пор, видно, осадок остался?»

Несколько лет назад деревня пострадала от наводнения, урожай три года подряд был плохой. В соседних селах люди жили бедно, а Пэевы, благодаря семейному мастерству в плотницком деле, держались неплохо: ещё до Нового года построили несколько домиков с черепичной крышей.

С такими условиями даже если выйти замуж за больного мужа, прикованного к постели, всё равно не в убыток.

Поэтому, когда по деревне пошёл слух, что Пэй ищут невесту, многие семьи с дочерьми, подходящими по возрасту для замужества, послали сватов, чтобы договориться о браке.

Среди них был и Лю Лао-сань.

Семья Лю жила бедно, но у него была дочь — красивая, трудолюбивая, настоящая хозяйка. Желавших жениться на ней за эти годы было не мало, но сам Лю Лао-сань был человеком гордым и придиричивым, отказывал всем — ждал лучшей партии.

И вот впервые за всю жизнь он сам пошёл к свахам, даже приготовил подарки.

Кто ж знал, что Пэй-плотник и слушать не станет, откажет сразу, сославшись на то, что ходил в храм, где ему гадал монах: сын должен жениться только на человеке с идеально совпадающими восемью знаками рождения — хоть на час ошибись, и судьба не сойдётся.

Лю Лао-сань, известный своим упрямым нравом и любовью к показной гордости, с тех пор при одном упоминании семьи Пэй мрачнел и злился.

Теперь, услышав, как соседи снова подшучивают над ним, он сплюнул жёванную соломинку на землю, растёр подошвой и хмыкнул:

«Тоже мне, счастье великое с ними свататься! Его больной сынок плеч не держит, руки не поднимает. Глянь на него, и так ясно, что долго не проживёт.

Я что, дочь свою зря растил, чтобы вдовой в семнадцать осталась?»

После этих слов лица соседей поменялись:

«Лю Лао-сань, что ты говоришь про несчастные вещи? У Пэев только вчера свадьба была...»

«А я что не прав? - взорвался Лю Лао-сань и закричал: - С начала весны этот больной даже из дому не выходил! А перед свадьбой, говорят, пару дней подряд он так болел, что с постели не

встал. Кто знает, сколько ему ещё жить?»

Он усмехнулся и бросил напоследок:

«Глядишь, не успеет новый жених в дом войти, как вдовцом станет!»

«Гав-гав! Гав-гав-гав!»

Как только Лю Лао-сань закончил говорить, откуда-то недалеко раздался громкий лай.

Все обернулись, и вдруг из поля рванул полтора метровый чёрный пес.

Он мчался по межам, не останавливаясь ни на секунду, и через мгновение оказался прямо перед людьми.

Пока никто толком не понял, что происходит, пес прыгнул на Лю Лао-сана и повалил его в соседнее пшеничное поле.

«Гав-гав-гав! Гав-гав!»

Большой чёрный пёс, пользуясь своим размером, прижал Лю Лао-сана к земле. Тот никак не мог оттолкнуть животное, ноги подкосились, и он закричал:

«Чья, чья это собака?! Убирайся! Убирайся прочь!»

В поле воцарилась паника, никто не решался подойти и помочь.

«Ай!» - раздался крик откуда-то вдали.

Голос был чистый и незнакомый. Все обернулись и увидели юношу, который бежал к ним.

Он был одет в простую льняную одежду, волосы небрежно собраны в пучок на затылке — самый обычный деревенский наряд.

Но кожа его была удивительно бледной, а черты лица тонкими и красивыми, так что среди полей он выделялся, выглядел немного чужим.

Наконец кто-то в толпе сообразил:

«Погодите, а ведь эта собака, кажется, из семьи Пэй?»

И правда, у Пэев была огромная чёрная собака, сторожившая двор.

Говорят, Пэй-плотник подобрал его ещё в горах и вырастил для своего больного сына. Неизвестно, есть ли в нём кровь волка: когда пес был щенком, он был маленьким, а годы шли — и вырос почти до полутора метров в холке, шерсть блестела, глаза сверкали.

Даже взрослые мужчины в деревне смотрели на него с опаской.

Раз уж собака Пэев, значит, этот незнакомый юноша и есть их новый супруг — тот самый, что недавно вошёл в их дом.

И действительно, добежав до края поля, юноша окликнул:

«Дахэй! Ко мне!»

На глазах у всех пёс, который ещё секунду назад бушевал, мгновенно перестал лаять. Он отпрыгнул от Лю Лао-саня, замотал хвостом и, поскуливая, ткнулся мордой в руки юноши.

Юноша был худым, и от удара собаки чуть не потерял равновесие. Он погладил Да Хэя по голове и только тогда обратил внимание на Лю Лао-сана, всё ещё лежащего в грязи.

«Дядя, вы в порядке?» - спросил юноша.

Лю Лао-сан стоял в полном шоке: волосы и одежда перепутаны с травой и грязью, выглядел так, будто катался по полю. Он хотел было ругнуться, но глядя на мощного чёрного пса, мгновенно заткнулся.

«С-следи за своей собакой!!» - пробормотал он, пытаясь подняться.

«Да-да, я слежу, - спокойно и дружелюбно улыбнулся юноша, слегка виновато, - странно, обычно Да Хэй послушный... Не знаю, что его так встревожило, он внезапно побежал сюда, и даже звать его было бесполезно».

Лю Лао-сань удивлённо присмотрелся сначала на собаку, а затем на юношу и наконец-то понял кто перед ним стоит.

Его лицо моментально налилось краской. Он вскочил, задыхаясь от злости, и выкрикнул:

«Я... я что, по-твоему, ещё и вру? Не смей нести бред и наговаривать на меня!»

Юноша стоял на возвышении, у края поля, с совершенно невинным выражением:

«А я что сказал?»

На самом деле он был крайне миловидным. Большие, круглые глаза сияли живостью и мягким светом. Когда он смотрел на кого-то вот так прямо, открыто, чуть склоняя голову, в нём было что-то от беззащитного, тёплого зверька, вызывающего лишь желание приласкать, а не ругать.

Лю Лао-сань открыл рот, но все заготовленные ругательства застряли в горле.

В этот момент рядом раздался ещё один голос:

«А-Шу...»

Голос доносился из-за дерева, и только теперь люди заметили, что там кто-то стоит, и неизвестно с какого момента.

Высокий, но чересчур худой, настолько, что, казалось, даже юноша рядом выглядел крепче.

Все сразу узнали его. Это был тот самый больной сын Пэев — Пэй Чанлин.

Когда болезнь становится постоянным спутником жизни, она словно вытягивает из человека весь дух. А у Пэя болезнь тянулась с самого рождения. Тело, привыкшее к бесконечным отварам и лекарствам, выглядело опустошённым, будто из него высосали самую жизненную силу. Он стоял неподвижно, тихо, и его присутствие ощущалось только тогда, когда он говорил.

«Что здесь происходит?» - спросил он. Голос был слаб, словно каждый звук давался с усилием.

«Муж мой, ты пришёл!» - радостно откликнулся юноша, его глаза засияли. «Да ничего особенного, всё хорошо! Я же просил тебя подождать меня в деревне. Ты пришёл сам? Не устал?»

Он говорил это, ведя за собой собаку, медленно направляясь к Пэю.

«Ты...» Лю Лао-сань хотел было что-то сказать, но вдруг чёрный пес обернулся и залаял на него.

Лю Лао-сань вздрогнул и тут же прикусил язык.

«Пошли домой» - тихо сказал Пэй Чанлин, не обращая внимания на людей, просто развернулся и пошёл в сторону деревни.

«Эй, муж! Подожди меня!» - крикнул юноша и побежал за ним.

Он двигался легко, словно ветер, вскоре догнал его.

Не смущаясь ни присутствующих, ни посторонних взглядов со стороны, он смело взял его за руку.

Пэй Чанлин, которого в деревне знали как замкнутого и холодного человека, из-за болезни не терпевшего ни чужих слов, ни прикосновений, на этот раз не отдернул руку. Он лишь слегка наклонил голову и позволил юноше держать себя за руку, и так, молча, они вместе пошли вперёд.

Пока двое постепенно удалялись, крестьяне проводили их взглядами.

«Так вот он какой, новый супруг Пэев» - вздохнул один из мужчин. «В день свадьбы его толком никто не видел... а ведь и правда красивый парень.»

«Ещё бы»- отозвался другой. «Говорят, до свадьбы он жил в уезде, сын зажиточного господина, даже учился в школе».

«Вот оно что... Сразу видно, что он совсем не такой, как мы, простые люди».

Толпа загудела, зашептала, каждый добавлял по слову.

Лишь Лю Лао-сань стоял в стороне, измазанный грязью, злость кипела в его груди, а выплеснуть её было некуда.

«Да что хорошего, - пробормотал он, сплёвывая, - всё равно замуж выскочил за доходягу».

«Вся жизнь насмарку!» - через секунду добавил он, повышая голос, что бы все услышали.

Пройдя сквозь широкие поля зелёной, колышущейся пшеницы, двое вошли в деревню по узкой каменной тропинке.

Когда вокруг никого не осталось, Пэй Чанлин остановился. Голос его был всё так же спокойным: «Отпусти руку».

Хэ Чжэньшу не послушался. Наоборот, улыбнулся и сказал:

«Сам же говорил, что перед всеми нам нужно выглядеть как любящие супруги, чтобы отцу легче было. Что, теперь стесняешься?»

Пэй Чанлин резко выдернул руку.

«Ты ведь сделал это нарочно» - тихо сказал он.

Хэ Чжэньшу моргнул и весело признался:

«А ты догадался?»

Юноша без смущения говорил совершенно открыто:

«А чего он языком треплется? Ты уж слишком добрый, вот и позволяют себе. С такими людьми иначе нельзя, давно пора было проучить!»

Речь, конечно, шла о Лю Лао-сане.

«Стояли себе, обсуждал нас за спиной. А я как раз гулял с собакой и всё слышал. Разве можно было не вмешаться?»

Пэй Чанлин нахмурился:

«А если бы он его всё-таки укусил?»

«Не укусил бы, - отмахнулся Хэ Чжэньшу, - Дахэй знает, где грань, правда ведь?»

Он наклонился, потрепал пса по голове. Тот радостно залаял, замахал хвостом, словно соглашаясь.

Пэй Чанлин покачал головой:

«Ты только приехал в деревню, а уже успел поссориться с соседями. Если дальше так пойдёт, что будет потом?...»

«Пэй Чанлин, - юноша выпрямился, нахмурился недовольно, - я ведь за тебя вступился! Они такое про тебя болтают, а ты даже не злишься?»

Пэй Чанлин на мгновение замолчал, отвёл взгляд в сторону:

«Они ведь были правы».

Он тихо кашлянул дважды и пошёл вперёд.

Хэ Чжэньшу смотрел ему вслед, бесшумно вздохнул и пробормотал себе под нос:

«Были правы ...»

Это ведь была не первая его жизнь в этой деревне.

После падения рода Хэ, единственным желанием Хэ Чжэньшу оставалось одно — очистить имя отца, который погиб в тюрьме по ложному обвинению. Но семья Хэ была всего лишь книготорговцами, лавку их закрыли, имущество распродали за долги, а доказательств невиновности не было. Добиться правды значило тянуться к небесам.

Брат с невесткой мечтали только о спокойствии, и, чтобы раз и навсегда отбить у него надежду, насильно выдали его замуж в глухую, затерянную среди гор деревушку.

В первую жизнь Хэ Чжэньшу яростно сопротивлялся, но его всё равно привезли в дом Пэев. Тогда он и подумать не мог, что Пэй Чанлин не станет его ни принуждать, ни унижать, а просто спокойно сядет и предложит договор.

Этот больной человек знал, что жить ему осталось недолго, и не хотел признавать брак, решённый без его согласия.

Он предложил: они будут играть роль супругов несколько месяцев, а после его смерти Хэ Чжэньшу получит немного серебра и будет свободен.

Хэ Чжэньшу с радостью согласился.

И действительно, в первой жизни Пэй Чанлин умер спустя три месяца после свадьбы. Хэ Чжэньшу, из сострадания, помог устроить похороны, но стоило обряду закончиться, как, открыв глаза, он снова очутился в тот самый день свадьбы.

С тех пор он застрял в бесконечном круге.

Что бы он ни делал, оставался или бежал, стоило Пэй Чанлину умереть, как всё возвращалось к началу.

Теперь это была уже его пятая жизнь.

«Эй, ты что, опять идёшь в дом?» - позвал он, глядя на высокую, худую фигуру впереди. «Такой день сегодня хороший, солнце, воздух... Побудь на солнце хоть немного, тебе ведь полезно. Всё время лежишь, разве так можно...»

«Хэ Чжэньшу...» - Пэй Чанлин остановился. Его голос стал холоднее.

«Мы же договорились не вмешиваться в дела друг друга. Не делай лишнего...» - не успел он договорить как внезапно согнулся пополам и резко закашлял.

Опираясь на земляную стену рядом, он судорожно пытался удержаться на ногах. Бледные пальцы дрожали, цепляясь за сырой глиняный край, серый налёт оседал на кончиках пальцев.

Хэ Чжэньшу сразу бросился к нему, подхватив его под руку.

Кашель не прекращался. Худое тело Пэй Чанлина тяжело сгибалось всё ниже и ниже.

«Ничего... кх-кх... ничего... отпусти...» - сказал он сквозь дыхание.

Они были женаты уже несколько дней.

Снаружи — пример супружеской гармонии, а дома между ними всё так же стояла холодная стена.

Даже сейчас, вместо того чтобы позволить себе опору, Пэй Чанлин инстинктивно попытался отстраниться, отвести плечо, словно боялся прикосновения.

Но у больного не было ни сил, ни воли на сопротивление.

Хэ Чжэньшу не стал слушать его слабое «не надо» и осторожно усадил его у обочины дороги.

«Не мешать друг другу? - тихо проговорил он, глядя на того, кто всё ещё тяжело дышал, - думаешь, я сам не хочу не вмешаться?»

Он мягко похлопал его по спине, помогая перевести дыхание, и тихо добавил, почти с нежной досадой:

«Будто я с радостью забочусь о тебе, маленький больной упрямец».

Он перепробовал всё.

Во всех жизнях, что бы ни делал — спасал, оставлял, уговаривал или уходил, всё возвращалось на круги своя.

Теперь оставался только один путь.

Нужно, чтобы этот человек... не умер.

Хэ Чжэньшу смотрел на его исхудавшее лицо, где резкие линии скул бросались в глаза под бледной кожей, и на алую каплю крови, выступившую у губ.

Тихо вздохнул:

«Только не заставляй меня проходить всё это снова...»

<http://bllate.org/book/14476/1280763>